

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

коммунист в сфере искусства

Нашей встрече с известным белорусским драматургом А. Петрашкевичем предшествовало письмо в редакцию от молодого читателя из города Витебска Андрея И.: «Еще подростком я посмотрел драму «Тревога» в Белорусском академическом театре им. Я. Коласа. Играл прекрасные артисты Г. Маркина, Ф. Шмаков. Спектакль вызволял меня смелым, горячим, непримиримым отношением к пьянству, алкоголизму. Это зло я испытал на себе, на судьбе своей семьи. Не хочу об этом вспоминать, тяжело. С тех пор прошло несколько лет. Сейчас я окончил ПТУ, работаю, стал кандидатом в члены КПСС. Но с того давнего школьного урока

эстетики, проведенного в театре, я слежу за творчеством А. Петрашкевича. Писателя волнуют острые ситуации, нерешенные проблемы, говорит он о них откровенно и прямо, его позиция — гражданскую, партийную — всегда хочется разделить. Мне хотелось бы через вашу газету поближе познакомиться с драматургом, узнать, какие темы его волнуют сейчас, о чем пишет он».

Это письмо наш корреспондент Т. Абанумовская прочитала А. Петрашкевичу. Так состоялся разговор, запись которого мы сегодня публикуем.

А. Петрашкевич:

Остаюсь публицистом

— Я отношусь к письмам читателей, телезрителей, радиослушателей как к чуткому барометру общественного мнения. Ведь без живого отклика, обратной связи с аудиторией наш труд теряет всякий смысл. Уверен, что каждый художник, если он человек серьезный, с трепетом и вниманием относится к мнению так называемого «простого» (ох, как он не прост в наше время!) зрителя, читателя. Разумеется, не только к положительным оценкам твоего произведения, но и особенности к тем письмам, где их авторы спорят, высказывают свое мнение, иногда противоположное твоему.

Однажды на рядовом спектакле «Тревога», не премьерном, не фестивальном, на реплику судьи Зубрич, которую исполняла актриса Г. Маркина: «А вы, мать, что-нибудь делали, чтобы сын не пил!» — из третьего ряда поднялась пожилая женщина, прошла к рампе и заговорила:

— Дитятко мое, что ни делали, ничего не помогает. Вот кабы такую судью, как ты, может, что и удалось бы...

Театр был и остается кафедрой. И с ее трибуны мы обязаны говорить со зрителем взволнованно, горячо, по-партийному честно и по-партийному страстно.

Позиция художника — это самое главное в нашем деле, от этого зависит, состоится ли диалог со зрителем. Наша позиция — вера в коммунистические идеалы. А во что веришь, за то и борешься. И в борьбе как в борьбе. Равнодушие, лень, леность души, формализм — вот те враги, которые мешают нам продвигаться вперед. На опасность этих явлений со всей непримиримостью к ним указывают материалы ноябрьского (1982 г.) и июньского (1983 г.) Пленумов ЦК партии.

— Ваша жизнь — комсомольского, партийного работника, а сейчас заместителя главного редактора Белорусской Советской Энциклопедии проходила и проходит в гуще событий, встреч, проблем, столкновений. И все-таки, где тот источник, который питает ваше творчество и, очевидно, определяет главную его направленность — внимание к вопросам остросовременным?

— Начинать я с газетных выступлений, любимым жанром был фельетон. Вероятно, отсюда тяготение к сатирической комедии. А работа в редакции энциклопедии привила мне любовь к исторической теме.

Первую пьесу я написал далеко не в юном возрасте и взялся за нее, потому что не мог не писать. Затем также не смог не написать «Тревогу», «Злыдня», затем «Соль».

Чиновничий бюрократизм, душевная лень, равнодушие, а порой и тупость компрометируют самые высокие устремления нашего общества. Все пьесы, которые я написал, по существу, направлены против равнодушия.

В комедии «Злыдня» сюжет разворачивается вокруг рядового, можно считать, пустячного обмена квартирой. В деле этом не было ничего противозаконного, но в одной из инстанций человека до конца не дослушали, и в результате из вопроса, на решение которого ушло бы две с половиной минуты, вышла комедия... на два с половиной часа. Горькая комедия, из тех, что в реальной жизни стоит людям здоровья, бессонных ночей, обид.

Немало критических баталий, дискуссий разворачивается вокруг отношения драматургии к острому, горячему, сегодняшним проблемам жизни.

Мне же кажется, вокруг понятия «современность» напущено много теоретического тумана. В сущности, все предельно просто: театр не может не быть современным, иначе его работа теряет всякий смысл — в театре никто не пойдет. Но современность в искусстве — это совсем не обязательное повествование о событиях дня. Вот, скажем, пьесы М. Шатрова. Построенные на материале историческом, они поднимают наисовременнейшие проблемы, волнующие зал, пробуждают в людях чувство гражданской ответственности. Свою трагедию «Русь Киевская» или драму «Написанное останется» о Франциске Скорине — белорусском, славянском первооткрывателе первой половины XVI века я писал, двинувшись к своей Родине Иден Скорин, его идеалы разума, справедливости, любви к народу, к своей земле, забота о ее

будущем — вечные категории. В вечном конфликте достоинство и подлость, любовь к Отечеству, самопожертвование во имя Отечества и предательство, ложь. Яростный, непримиримый взгляд автора делает пьесу злободневной.

Кстати, самому понятию злободневности в театре ставлю почему-то придавать некий уничижительный оттенок. А ведь без пьес злободневных, актуальных, хотите назовите их публицистическими, картина театрального процесса была бы просто невозможна. Как представить театр наших дней без политических пьес-репортажей Г. Боровика, без пьес В. Чичкова, Н. Мирошниченко, А. Лауричюкаса, без драматургии И. Дворецкого, А. Гельмана, пьес моих коллег — белорусских драматургов Н. Матковского и безвременно ушедшего А. Макаенка, давшего нам пример последовательности и мужества в отстаивании своей позиции? Политическая ясность, актуальная направленность — эти качества в драматургии необходимы.

Правда, пьесы публицистического, активного характера нелегко пишутся и еще труднее продвигаются к сцене, преодолевая инерцию привычного мышления, робость перед нерешенной проблемой. Не будем закрывать глаза и на то, что на различных театроведческих форумах, в критике в отношении к публицистической пьесе порой ощущается некая снисходительная интонация: мол, раз публицистика, то где уж до высокого художественного уровня! Вот семейная драма — тут без литературы не обойтись.

Нет, сценическая публицистика правомерна, когда облечена в совершенную форму. Пример тому — драматургия В. Маяковского, Б. Брехта.

Автор выбирает публицистическую форму отнюдь не от недостатка профессионализма, а потому, что она становится необходима ему для выражения конкретной идеи.

— Ваша пьеса «Соль» ставится на многих сценах страны. Пьеса получилась острой, может быть, даже дерзкой. Но ведь пьеса написана задолго до того, как были приняты важнейшие решения об охране природы. Что послужило для вас эмоциональным толчком к этой работе?

— Однажды я побывал на нашем красивейшем озере Нарочь. Оно окружено запредельными лесами, а леса эти изрыты... траншеями. Я думал, что это раны минувшей войны. Оказалось, окопы первой империалистической. А они словно недавно вырыты, только немного обрушились, осыпался песок. Тяжело, долго залечивает земля нанесенные ей раны. Для того чтобы эти шрамы затянул плодородный слой, должно пройти пятнадцать тысяч лет! Да, человек в век технической революции за короткое время может создать невероятное, но вот этой черной, плодородной земли он создать не может, не в силах. А всегда ли бережно, по-хозяйски мы к земле-кормилице относимся, по-сыновнему ее бережем? «Соль» — об этом. В этой пьесе речь идет и об охране природы, и о воспитании человеческого в человеке. Снова сталкиваются две позиции, два типа мышления — равнодушию, прикрывающемуся демагогическими рассуждениями, противостоит по-народному и по-партийному мудрое, бережное отношение к природе, к нравственным заветам, которые оставляем мы нашим детям.

Перед премьерой «Соли» в одном из театров, который первым взялся было поставить пьесу, далекие от театра люди категорически предложили мне переработать «Соль», если не в сахар, то хотя бы в халву. Я отказался. Премьера не состоялась. Главный режиссер покинул театр. Прошло время. Прошел XXVI съезд партии. В его решениях была отражена проблема борьбы за чистоту природы и чистоту человеческих отношений. Сейчас пьеса действительно идет во многих театрах. Поднятая в ней проблема обсуждена в самых высоких инстанциях. Тревога за землю, за сохранение природы в районе каляинского производства прозвучала на сессии Верховного Совета СССР Принимаются необходимые защитные меры.

У пьесы публицистического звучания есть, как мне кажется, еще одно несомненное преимущество: она позволяет вывести на сцену бескомпромиссного героя. Та-

ков он у Абдуллина в «Тринадцатом председателе», у Мишарина в «Равняется четырем Франциям». Примеры можно было бы продолжить.

В самом слове «герой» заложен смысл представления о человеке, с которого хотелось бы делать жизнь. Таких героев не надо выдумывать. Живут рядом с нами люди, имеющие в жизни высшую цель и умеющие добиваться ее вопреки обстоятельствам, трудностям, непониманию.

Часто ли видим мы такого героя в свете рампы? Увы!

Но самую большую опасность для театра я вижу в появлении на сцене бескрылой, бездуховной личности в положении главного героя. Этакое несчастнейшее, пришибленное, ноющее главного персонажа. Это вредно. Вредно было всегда. Положительное начало должно быть сильным. Правда, добро торжествует, одерживая нелегкие победы. — Этой позицией всегда были сильны наша отечественная литература и театр. Вправе ли мы утрачивать ее, когда герои советского искусства несут в себе идеалы коммунистической нравственности?

Сейчас на сцене стал моден тип дельца. Я не могу назвать его героем. Эти «крепкие» личности с железными мускулами, с железными челюстями, как с конвейера слетают. Я понимаю тревогу, связанную с появлением людей такого типа в жизни, антигероев, перед которыми пасует добродетель. Об этом молчать нельзя. Но мешанину в современном обличье должен быть противопоставлен герой, перед которым наглость не просто пасовала бы, а была бы нокаутирована.

Если мы фашизм победили, то этих новых напманов одолеем без паники. В нашем обществе всегда достаточно мужественных людей. И их позиция, их характер должны найти соответствующее место в нашей драматургии. С партийной прямой сказано об этом на июньском Пленуме ЦК партии.

Все мы учимся у жизни. А там неисчерпаемый кладезь и проблем, и сюжетов, и характеров. Там по-прежнему неисчерпаемый родник меткого слова.

Мастерству диалога я учусь у земляков, соседей, сослуживцев, у матери своей. Только что я вернулся с родной Витебщины. В дороге люблю попутчиков. Вот и на этот раз повезло: «проголо-совала» немолчала уже женщина. Села в машину, помолчала полминуты, осмотрелась и говорит: «И дочка вырастила, и замуж отдала, и внуков дождалась, и все три зятя, хоть ты их к уху приложи. Так бригадир... Чтоб ты чернел! Чтоб ты сник! Ну такой гадкий, ну такой негодный».

— Что так? — спрашиваю. А она в ответ:

— Миленький ты мой! Уж так выражается! Уж так выражается, ажно зубы чернеют. Так вот в райком еду, пущай дадут бригадира не такого брехливого.

Разве подобное придумашь: у человека зубы чернеют от сквернословия...

— А о чем ваша новая пьеса?

— К сожалению, не теряет актуальности проблема пьянства. Написал сатиру на тему: что было бы, если бы однажды с утра в миллионном городе люди перестали пить, так сказать, абсолютно и категорически. Интересные коллизии получаются! Словом, пьеса не для пугливых и слабонервных. Смейтесь над собой — удел мужественных.

Идет к завершению и работа над пьесой о проблеме постоянных кадров современного села. Деревня перестраивается, обновляется. Это закономерный, прогрессивный процесс, но осуществлять его надо осторожно, не с плеча, не с наскока. Не должно так быть, не может так быть, чтобы постоянно и сеять хлеб, и убирать урожай приезжали в село горожане. Село должно свою работу выполнять само, и главная забота сельского жителя — растить хлеб, который, как известно, всему голова. Вот о чем пьеса.

Считаю долгом написать пьесу о войне, о народном сопротивлении. Эта тема в нашем белорусском крае неисчерпаема. Читатель, зритель, слушатель ждет встреч с героями из народа, героями, которые делают жизнь красивой, а наше государство сильным.

Беседу вела
Т. АБАКУМОВСКАЯ,
наш соб. корр.
МИНСК.